

гущей монархической власти и феодальных привилегий, мы поймем, почему Декларация прав человека, которую вообще не отделяли от Вступления в Конституцию, увлекала народы во время войны республики, а впоследствии, в течение всего XIX в., служила лозунгом прогрессивного движения во всех европейских странах. Но не нужно забывать одного: в этом Вступлении вовсе не выражаются желания всего Собрания, ни даже желания вообще буржуазии 1789 г. Признать права народа и порвать с феодализмом заставила буржуазию продолжающаяся народная революция, и мы скоро увидим, ценой каких жертв были достигнуты эти уступки.

XX ДНИ 5 И 6 ОКТЯБРЯ 1789 г

В глазах короля и двора Декларация прав человека и гражданина являлась наглым нарушением всех божеских и человеческих законов. Король решительно отказался утвердить ее. Правда, Декларация, подобно постановлениям 5–11 августа, представляла собой не что иное, как провозглашение известных основных начал: она имела, как тогда выражались, «учредительный характер» и, как таковая, не нуждалась в утверждении королем. Ему предстояло только обнародовать ее.

Но и от этого он отказывался под разными предлогами. Так, 5 октября он написал Собранию, что прежде чем санкционировать Декларацию, он хочет знать, как будут прилагаться высказанные в ней начала¹.

Мы видели, что он ответил подобным же отказом и на постановления 5–11 августа об уничтожении феодальных прав, и мы легко можем себе представить, каким оружием послужили эти два отказа в руках Национального собрания. «Как? - говорилось в народе. - Собрание отменяет феодальный строй, личную зависимость и оскорбительные права помещиков; оно провозглашает, с другой стороны, равенство всех перед законом; а король, и в особенности принцы, королева, двор, полиньяки, ламбали и все остальные противятся этому! Если бы еще дело шло только о запрещении каких-нибудь речей, проникнутых идеями равенства! Но нет: все Собрание, в том числе дворяне и епископы, согласилось на том, чтобы издать закон в пользу народа и отказаться от своих привилегий (для народа, не вникающего в смысл юридических терминов, «постановления» 5–11 августа были настоящими законами); и вдруг какая-то сила не позволяет провести в жизнь эти законы! Король, пожалуй, еще согласился бы принять их: братался же он с Парижем после 14 июля; но двор, принцы, королева не хотят, чтобы Собрание устроило счастье народа».

В начавшейся таким образом грозной борьбе между королевской властью и буржуазией последней удалось, благодаря ловкой политике и умению разбираться в законодательной деятельности, привлечь народ на свою сторону. Теперь народ горячо ненавидел принцев, королеву, высшую аристократию и горячо защищал Собрание, за трудами которого он начал следить с интересом.

Вместе с тем народ и сам оказывал давление на Собрание в демократическом направлении.

Так, например. Собрание, может быть, согласилось бы на систему двух палат на английский манер. Такая система предлагалась некоторой частью буржуазии; но народ не хотел и слышать о ней. Он чутьем понимал то, что впоследствии очень ясно стали доказывать ученые-юристы: что во время революции вторая палата немыслима; что она может существовать только тогда, когда революция уже истощила свои силы и началась реакция.

Точно так же народ с гораздо большим жаром, чем его представители в Собрании, высказывался против королевского права отвергать принятые Собранием законы, т. е. против права *вето*. Он и здесь отлично понял сущность дела. Действительно, если в обыкновенное время вопрос о том, может или не может король воспрепятствовать решению парламента, не имеет особенно большого значения (так как маловероятно, чтобы парламент и король оказались в непримиримом разногласии), то в революционный период дело обстоит иначе; не потому, чтобы королевская власть становилась с течением времени менее склонной к враждебным действиям против народных прав, а потому, что в обыкновенное время парламент - орган привилегированных классов не принимает таких решений против существующих

¹ «Я не буду объясняться по поводу Декларации прав человека: в ней есть очень хорошие правила для руководства в наших работах. Но в ней выражены и такие начала, которые могут вызвать различные объяснения и даже толкования, правильная оценка которых будет возможна только тогда, когда истинный смысл их будет установлен законами, основой для которых дослужит Декларация».

Подписано: «Людовик».